

Фридрих Глаузер

ТЕМПЕРАТУРНАЯ КРИВАЯ

Перевод с немецкого Людмилы Шаровой

Фридрих Глаузер

**Температурная кривая. Перевод
с немецкого Людмилы Шаровой**

«Издательские решения»

Глаузер Ф.

Температурная кривая. Перевод с немецкого Людмилы Шаровой /
Ф. Глаузер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512471-5

Вахмистр Штудер знакомится со священником из Марокко. Священник рассказал, что ясновидящий капрал предсказал смерть двух его своячениц, одна из Базеля, другая из Берна. Полицейский не принял всерьез этот рассказ, но на следующий день он узнал, что обе женщины отравились газом при сходных и очень странных обстоятельствах. Уверенный, что он имеет дело с двойным убийством, вахмистр Штудер начинает расследование и оказывается в центре интриги, где тесно переплетены семейные и политические интересы.

ISBN 978-5-00-512471-5

© Глаузер Ф.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. История о ясновидящем капрале	6
ГЛАВА 2. Газ	14
ГЛАВА 3. Первая жена	21
ГЛАВА 4. Отец Маттиас	26
ГЛАВА 5. Маленький человек в синем плаще и другие	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Температурная кривая Перевод с немецкого Людмилы Шаровой

Фридрих Глаузер

Переводчик Людмила Васильевна Шарова

© Фридрих Глаузер, 2020

© Людмила Васильевна Шарова, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-2471-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. История о ясновидящем капрале

– Вот, полюбуйся! – произнес Штудер и поднес телеграмму под самый нос своему другу Маделину.

Перед Дворцом Правосудия было темно. Сена тихо плескалась о гранитную набережную, а ближайший фонарь стоял в стороне на расстоянии нескольких метров.

«маленький якобинек шлет привет старому якобу хеди», – расшифровал комиссар, стоя под мерцающим газовым светом. Хотя Маделин работал много лет в Страсбургской криминальной полиции и поэтому немецкий не был ему чужд, все же он не понял смысл сообщения.

– Что это должно значить, Штюдере?

– А то, что я теперь дедушка, – ответил Штудер ворчливо. – Моя дочь родила сына.

– Это надо отпраздновать, – заключил Маделин. – К тому же, это очень кстати. Сегодня ко мне зашел один человек – священник, который едет пол-одиннадцатого вечером поездом в Швейцарию, и попросил меня рекомендовать его какому-либо швейцарскому коллеге. Я пригласил его на девять часов в кофейню при Халле¹ ... А сейчас...

Руками в шерстяных перчатках Маделен расстегнул пальто, воротник которого закрывал его шею, вытащил старые серебряные часы из жилетного кармана и увидел, что было восемь часов.

– У нас еще есть время, – сказал он удовлетворенно. – Поразительно! Когда стареешь, то всегда есть время. Тебе так не кажется, Штюдере?

Штудер что-то проворчал, потом резко повернулся, когда высокий каркающий голос произнес за его спиной:

– А можно мне тоже поздравить? А? Нашего уважаемого инспектора! Пожелать счастья от всего сердца!

Маделин, высокий, худой, и Штудер, тоже высокий, только массивнее, с широкими плечами, обернулись. За ними прыгало крохотное существо; сходу было непонятно, это женщина или мужчина: длинное пальто до пят, надвинутый до бровей берет, шерстяной шарф укутывал рот и нос, так что из всего лица были видны только глаза, спрятанные за стеклами огромных очков в роговой оправе.

– Смотри, это Годофрей, – сказал комиссар Маделин, ничуть не удивившись. – Ты не проstudись! Завтра ты мне будешь нужен. Эта история с Коллером еще не прояснилась. Я получил документы только сегодня вечером. Завтра ты должен их внимательно изучить. Что-то не согласуется в этих документах о Коллере.

– Спасибо, Годофрей! – сказал Штудер. – Я приглашаю вас обоих. В конце концов, если становишься дедушкой, нельзя ударить в грязь лицом.

«Маленький Якобинек передает привет старому Якобу», – подумал он. Теперь он стал дедушкой и окончательно потерял дочь. Если стал дедушкой – значит стал старым – старой рухлядью. Но все же это была приятная мысль, которая позволила забыть о пустой квартире на Кирхенфельд с горой немытой посуды в раковине. Особенно о зеленой изразцовой печке в жилой комнате, которую правильно истопить могла только жена. Если он пытался сделать это сам, она дымила, чадила как плохо скрученная сигара Бриссаго² – и глхла. Здесь в Париже ему удалось избежать таких мучений. Он живет с комиссаром Маделином, окружен вниманием и зовется не «вахмистр», а «инспектор». Целый день можно торчать около Годофрея, высоко наверху, в лаборатории под самой крышей Дворца Правосудия, и наблюдать, как малыш анализирует пыль и просвечивает документы. Тихо горит Бунзеновская горелка, пар в нагревателе прозрачен, приятно пахнет химикалиями, а не потом, как в здании местного управления Берна.

Прямоугольные мраморные столы в кофейне были накрыты рифлеными бумажными скатертями. Посредине помещения стояла черная печь, от ее поверхности веяло жаром. Большая кофеварка гудела на стойке, и хозяин – с руками толщиной с ляжки нормального человека – обслуживал сам.

Начали с устриц и комиссар Маделин со вкусом предался своему любимому занятию. Он заказал, не спрашивая Штудера, «Vouveau» 26-го года, сразу три бутылки, и пил бокал за бокалом. Между бокалами он быстро высасывал три устрицы и тщательно сжевывал их, прежде чем проглотить. Годофрей пил из своего бокала маленькими глотками, как стеснительная барышня; его руки тоже были маленькими, белыми и безволосыми.

Штудер подумал о своей жене, которая уехала во Фрауэнфельд, чтобы помочь дочери. Он молчал и не мешал Годофрею болтать. И Маделин тоже молчал. Два огромных пса – поджарый дог и лохматый ньюфаундленд – спокойно и невозмутимо слушали твяканье крохотного фокстерьера.

Трактирщик поставил на стол глиняную миску с паштетом из рубца, затем горький салат. Перед ними снова появились три полные бутылки с вином, которые мгновенно опустели вместе с полной тарелкой мягкого камамбера – он вонял, но тем не менее был очень хорош. Затем комиссар Маделин открыл рот, чтобы произнести речь, по крайней мере, так казалось. Но из этого ничего не вышло, потому что дверь кофейни открылась, и в комнату вошел человек, одетый так странно, что Штудер задумался, не празднуют ли перед Новым годом в Париже масленицу...

Человек был одет в белую монашескую рясу, а на его голове красовалась шапка, похожая на огромный красный цветочный горшок, который испортил неумелый гончар. На его ногах – голых, красных от холода и с кровавыми мозолями – были открытые сандалии, через которые можно было видеть пальцы ног и лодыжки; пятки были закрыты.

Штудер не мог поверить своим глазам. Комиссар Маделин, ненавидящий попов, встал, пошел навстречу этому человеку, подвел его к столу и представил:

– Отец Маттиас из Ордена Белых Отцов ... – И, обернувшись, к Штудеру, представил его: – а это инспектор швейцарской криминальной полиции Штудер.

Белый Отец? Père blanc? – Вахмистру показалось, что ему приснился один из тех странных снов, которые приходят к нам после тяжелой болезни. Они легкомысленные и смешные одновременно и возвращают нас в детство, потому что мы попадаем в сказку...

Для Штудера отец Маттиас выглядел точно как портняжка, который убил «семерых одним ударом». На подбородке росла редкая седая борода, а в его усах можно было сосчитать все волосы. На невероятно худом лице выделялись только его большие серые глаза. Эти глаза напоминали море, над которым плывут облака – и иногда солнечный луч на мгновение вспыхивает над поверхностью воды, которая при всей кажущейся безобидности скрывает под собой зияющую пропасть...

На столе появились еще три бутылки...

Священник был очень голоден. Он молча съел полную тарелку паштета из рубца, потом еще одну... Он много пил, чокался с остальными. Он говорил по-французски с легким акцентом, который напомнил Штудеру о доме. И верно, как только облаченный в белую рясу человек покончил с едой, он и похлопал бернского вахмистра по плечу и сказал:

– Я ваш соотечественник, из Берна...

– Ах, так! – отозвался Штудер рассеянно, поскольку вино немного ударило ему в голову.

– Но я уже давно живу за границей, – продолжил портняжка, впрочем, какой портняжка!

Это ведь был монах! Нет, не монах... А священник! Да, правильно! Белый отец³! Отец, у которого не было детей – точнее, все были его детьми. Но я сам теперь дедушка... нужно ли рассказать об этом соотечественнику, швейцарцу за границей? Нет, не нужно! Комиссар Мадлен уже это сделал:

– Мы чествуем нашего инспектора. Он получил телеграмму от своей жены, в которой сказано, что он стал дедушкой.

Священник – отец Маттиас, по-видимому, был доволен. Он поднял свой бокал, выпил за здоровье вахмистра, чокнувшись со Штудером. Пора бы уже подавать кофе. Наконец, его принесли и с ним бутылку рома. Штудер услышал, как комиссар Маделин велел трактирщику поставить бутылку на стол. У вахмистра на душе было отчего-то беспокойно, – это, должно быть, от «Vouvray» – очень коварное вино!

Рядом с вахмистром сидел Годофрей; как многие маленькие люди, он был одет чересчур элегантно. Но Штудеру это не мешало. Наоборот, близость карлика, который был ходячей энциклопедией криминалистики, действовала умиротворяюще и успокаивающе. Священник сидел на другом конце стола рядом с Маделином.

Отец Маттиас покончил с едой. Он сложил руки перед своей тарелкой и беззвучно задвигал губами – его глаза были закрыты; затем он открыл глаза, немного отодвинул свой стул от стола, положил левую ногу на правую – две жилистые волосатые икры показались из-под рясы. Священник заговорил:

– Я должен непременно поехать в Швейцарию, господин инспектор. У меня там две сестры, одна в Базеле, другая в Берне. Очень возможно, что я могу попасть в затруднительное положение и буду нуждаться в помощи полиции. Я был бы весьма признателен, если бы Вы могли мне помочь.

Штудер отпил свой кофе, мысленно проклиная Маделина, приправившего горячий напиток слишком большой дозой рома; затем он поднял взгляд и ответил, тоже по-французски:

– Швейцарская полиция не занимается семейными делами. Чтобы иметь возможность Вам помочь, я должен знать, о чем идет речь.

– Это длинная история, – ответил отец Маттиас, – и мне не так просто решиться ее вам рассказать, потому что все вы – он сделал круговое движение рукой – будете смеяться надо мной.

Годофрей вежливо запротестовал своим попугайным голосом. Он назвал монаха «Отец мой», что для Штудера, по понятным причинам, выглядело в высшей степени комично. Он рассмеялся в усы, потом фыркнул, поднося ко рту полную чашку, но подавил фыркание, чтобы не вызвать недовольство остальных, и перевел его в дутье – как будто он хотел остудить горячий кофе.

– Вам доводилось когда-нибудь, – спросил отец Маттиас, – иметь дело с ясновидящими?

– Гадание на картах? Магический кристалл? Телепатия? Чтение мыслей? – Годофрей монотонно перечислял варианты, как литанию.

– Я вижу, Вы в курсе дела. Вы часто сталкивались с такими вещами?

Годофрей кивнул. Маделин покачал головой, а Штудер коротко обронил:

– Шарлатанство.

Отец Маттиас услышал последнее слово. Его глаза были направлены вдаль – даль здесь в маленькой кофейне была стойкой со стоящим на ней блестящим перколятором. Хозяин сидел за стойкой, сложа руки на животе, и храпел. Четверо за столом были его единственными посетителями. Жизнь в его кофейне начиналась только около двух часов пополудни, когда прибывали первые тележки с тепличными овощами.

– Я хотел бы, – сказал священник, – рассказать Вам историю о маленьком пророке, ясновидце, если хотите, так как этот ясновидец повинен в том, что я нахожусь здесь, вместо того, чтобы добиваться должности на юге Марокко и служить там мессу для заблудших овечек Иностранного Легиона.

Вы знаете, где находится Геривиль? На обратной стороне Луны, говоря точнее, в Алжире, на плоскогорье, тысяча семьсот метров над уровнем моря, как об этом гласит надпись на камне, стоящем посреди казарменного двора. До ближайшей железнодорожной стан-

ции 140 километров. Здоровый воздух, вот из-за него-то приор и послал меня туда в сентябре прошлого года, поскольку у меня слабые легкие. Это маленький городишко, этот Геривилль; французов там немного, население в основном составляют арабы и сепарии. От арабов многого не добьешься, их не так то просто обратить. Правда, они посылали ко мне своих детей, то есть, они не возражали, чтобы малыши ко мне приходили...

Там наверху также находится батальон Иностранного Легиона. Легионеры иногда заглядывали ко мне: мой предшественник основал библиотеку – и они приходили: капралы, сержанты, иногда даже рядовые солдаты, брали книги или курили мой табак. Иногда кто-то из моих посетителей чувствовал потребность исповедаться. Станные вещи происходят в душах этих людей, считающих легион человеческой помойкой, включая откровения, которые выше их понимания.

Итак, однажды вечером ко мне пришел капрал, ростом он был еще меньше, чем я, лицо похоже на лицо искалеченного ребенка, печальное и старое. Его звали Коллани; он, запинаясь, начал лихорадочно говорить. Это не была настоящая церковная исповедь, которую произносит человек, но, скорее, монолог, разговор с самим собой. Все, что он говорил о душе, не имеет отношения к моей истории. Он говорил довольно долго, примерно полчаса. Уже наступил вечер и зеленоватые сумерки заполнили комнату; они исходили из осеннего неба, которое там иногда окрашивается в удивительные причудливые цвета.

Штудер сидел, подперев щеку рукой, и так напряженно слушал рассказ, что не замечал, как его левый глаз зло искривился и выглядел косым, как у китайца.

Плоскогорье!.. Огромные равнины!.. Зеленый вечерний свет!.. Солдат, который пришел, чтобы исповедаться!..

Все это было так непохоже на то, что происходило ежедневно здесь! Иностранная Легион! Вахмистр вспомнил, как однажды он тоже хотел вступить в армию; ему было тогда 20 лет и он поссорился с отцом... Но тогда он – чтобы не огорчать мать – остался в Швейцарии, сделал карьеру, дослужившись до комиссара в Бернской полиции.

А потом случилась эта банковская история, на которой он прогорел. И тогда у него снова появилось желание все бросить и уехать. Но к этому времени у него уже были жена и дочь – и поэтому он снова отказался от своего плана. Только в нем все еще дремала тоска о бескрайних равнинах, о пустыне, о битвах. И вот появился этот священник и снова разбередил душу.

– Он говорил довольно долго, этот капрал. В своей желтовато-зеленой шинели он выглядел как замученный хамелеон. Потом он замолчал на какое-то время; я уже хотел встать и отпустить его со словами утешения, как вдруг он снова заговорил сильно изменившимся голосом, звучащим сурово и глубоко, так, как если бы за него говорил кто-то другой, и голос показался мне странно знакомым:

– Почему Мамаду взял простыню с кровати и засунул ее под свой плащ? Ах, он хочет продать ее в городе, подлая собака! Я отвечаю за белье. Теперь он спускается по лестнице, идет через двор к ограде. Конечно, он не осмелится пройти мимо охраны. А у ограды его будет ждать Билли и возьмет у него простыню. Куда пойдет Билли? Ага! Он побежит на маленькую улочку к еврею... Он продаст простыню за дуру...

– Дуру, – объяснил Маделин, – это пятифранковая серебряная монета.

– Спасибо, – сказал отец Маттиас и замолчал. Он опустил руки под стол, повозился со своей рясой, в которой, по-видимому, где-то был глубокий карман, и вытащил из него носовой платок, лупу, четки, красное портмоне из плетеной кожи, и наконец, жестянку с нюхательным табаком. Из нее он взял порядочную щепотку. Потом он втянул табак носом – очень громко, с таким рокотом, что сидевший за стойкой трактирщик вздрогнул, а священник продолжал:

– Я говорю бедняге: «Коллани! Проснитесь, капрал! Вы бредите!» – но он продолжал бормотать: «Я научу вас ценить военную собственность! Завтра вы будете иметь дело с Кол-

лани!» – Тут я схватил капрала за плечо и основательно его встряхнул, поскольку мне стало не по себе. Он действительно проснулся и стал удивленно осматриваться...

– Осознаете ли Вы, что Вы мне сейчас рассказали? – спросил я.

– Конечно, – ответил Коллани. И повторил мне то, что он в трансе... – так называют это состояние?

– Да, да, – поспешно вставил Годофрей.

– ... что он рассказал мне в трансе. На этом он распрощался. На следующее утро – очень ясное сентябрьское утро, так что вдали были отчетливо видны солончаки, словно сверкающие большие соляные озера, – в восемь часов я вышел из дома и столкнулся с Коллани, которого сопровождали квартирмейстер и капитан. Капитан Пулетт поведал мне, что, по словам Коллани, в батальоне с некоторых пор стали пропадать простыни. И Коллани знал воров и укрывателей. Воров уже арестовали, теперь дело было за укрывателями. Коллани выглядел как водоискатель, только без магического прута. Он был в полном сознании, но его глаза неподвижно застыли на его лице. И он механически двигался вперед...

Я больше не буду вас утомлять. У еврея, который торговал луком, инжиром и финиками в маленькой лавке, мы нашли четыре простыни на дне ящика с апельсинами... Мамаду был негр из четвертой роты батальона, он признал кражу. Билли, рыжий бельгиец, сначала все отрицал, но потом сознался тоже.

После этой истории Коллани стали называть не иначе как ясновидящий капрал, а врач батальона Анатолий Антакузен устроил для него исследовательские сеансы:двигающиеся столы, самописцы – короче, применял к нему весь этот непостижимый вздор, который используют спиритисты, не думая об опасности, которую они представляют для испытуемого.

Вы, вероятно, недоумеваете, зачем я рассказываю вам эту длинную историю... Только, чтобы показать вам, почему я не мог остаться безразличным, когда Коллани одной неделей позже рассказал мне нечто, что касалось меня – меня лично.

Было двадцать восьмое сентября. Вторник.

Отец Маттиас помолчал, закрыл глаза рукой и продолжил:

– Пришел Коллани. Я, как велит мой долг священника, заклинал его оставить дьявольские эксперименты. Но он был непоколебим. Внезапно его взгляд стал пустым, веки наполовину закрыли глаза, губы приоткрылись в неприятной насмешливой улыбке, так что стали видны желтые зубы, и он заговорил голосом, который показался мне странно знакомым: «Привет, Маттиас, как дела?» – Это был голос моего брата, моего брата, который умер пятнадцать лет тому назад!

Трое мужчин, сидевших за столом в маленькой кофейне при Парижском центральном рынке, молча слушали этот рассказ. Комиссар Маделин едва заметно улыбался, как улыбаются неудачной шутке. У Штудера подрагивали усы, и причину этой дрожи было трудно истолковать... Только Годофрей постарался смягчить неловкую неправдоподобность рассказа. Он проронил:

– Да-а! Время от времени нам приходится сталкиваться с привидениями...

Это прозвучало очень глубокомысленно. Отец Маттиас продолжал очень тихо:

– Чужой и в то же время такой близкий мне голос звучал из уст ясновидящего капрала...

Усы Штудера продолжали дрожать, он склонился к столу... Тон последней фразы! Она прозвучала фальшиво, напыщенно, наигранно! Бернский вахмистр взглянул на Маделина. Костлявое лицо француза было слегка искажено. Комиссар тоже почувствовал фальшь! Он поднял руку, мягко положил ее на стол:

– Дайте ему договорить! Не прерывайте! – И Штудер кивнул. Он понял.

– Привет, Маттиас! Ты еще узнаешь меня? Ты думал, что я умер? Я жив! – И тут я в первый раз заметил, что Коллани говорил по-немецки!

– Поторопись, Маттиас, если ты хочешь спасти старух. Или я приду разделаться с ними. Они будут в... – В этом месте голос, который все еще не был голосом Коллани, перешел в шепот, так что я не расслышал последние слова. И потом снова громко и очень отчетливо: – Ты слышишь свист? Этот свист означает смерть. Я ждал пятнадцать лет! Сначала в Базеле, потом в Берне! Одна была умна, она видела меня насквозь, ее я оставлю себе. Вторая плохо воспитала мою дочь. За это она должна поплатиться. – Смех и затем голос замолчал. На этот раз сон Коллани был настолько глубок, что я с трудом разбудил его...

Наконец, его веки открылись, и он удивленно взглянул на меня. Я спросил капрала-ясновидца: «Помнишь ли ты, сын мой, что ты мне сейчас сказал?» – Сначала Коллани покачал головой, потом ответил: «Я видел человека, за которым я ухаживал в Фезе пятнадцать лет назад. Он умер там от сильной лихорадки... В семнадцатом году, во время мировой войны... Потом я видел двух женщин. У одной была бородавка рядом с левой ноздрей... Человек, там в Фезе – как же его звали? – Коллани потер себе лоб, он не мог вспомнить имя, а я не стал ему напоминать. – Человек в Фезе дал мне письмо. Я должен был отправить его через пятнадцать лет. Я его отправил. В годовщину его смерти. Двадцатого июля. Письмо ушло, да, ушло! – внезапно закричал он. – Я больше не хочу иметь с этим дело! Это невыносимо. Да! – он закричал еще громче, словно отвечал на упрек кого-то невидимого. – Я сохранил копию. Что я должен сделать с копией?» – ясновидящий капрал заломил руки. Я стал его успокаивать: «Принеси мне копию письма, сын мой. Тогда твоя совесть будет чиста. Иди! Прямо сейчас!» – «Да, отец мой», – проговорил Коллани, встал и пошел к двери. Я слышал, как подковки на его подошвах заскрежетали за моей дверью...

И после этого я его больше не видел. Он исчез из Геривилля. Решили, что Коллани дезертировал. По приказу батальонного коменданта начали расследование дела Коллани. При этом установили, что в тот же вечер в Геривилль на машине приезжал незнакомец, который уехал той же ночью. Возможно, ясновидящий капрал уехал с ним.

Отец Маттиас замолчал. В маленькой кофейне было слышно только похрапывание толстого хозяина и мерное тиканье настенных часов...

Священник отнял руки от лица. Его глаза слегка покраснели и их цвет еще больше напоминал цвет моря – только теперь над водой висел туман и закрывал солнце. Старый человек, выглядевший как брюзгливый портной, посмотрел на своих слушателей. Это было нелегкой задачей решиться рассказать трем прожженным криминалистам историю с привидениями. Молчание затянулось еще на некоторое время, затем один из них, Маделин, ударил ладонью по столу. Хозяин вздрогнул.

– Четыре рюмки, – приказал комиссар. Он наполнил рюмки ромом и сухо произнес:

– Небольшое подкрепление Вам не помешает, отец мой.

И отец Маттиас послушно осушил свою рюмку. Штудер вытащил длинный плетеный портсигар из нагрудного кармана, огорченно обнаружил, что там осталась только одна Бриссаго, зажег ее и протянул огонь Маделину, который набивал свою трубку. При этом комиссар подмигнул своему швейцарскому коллеге, намекая, что можно приступить к вопросам.

Штудер немного отодвинулся от стола, упершись локтями в бедра, сложил руки перед собой и начал спрашивать, медленно и осторожно, в то время как его глаза оставались опущенными.

– Две жены? Ваш брат был многоженец?

– Нет, – ответил отец Маттиас, – он развелся с первой женой и женился на ее сестре Жозефе.

– Так, так. Развелся? – повторил Штудер. Я думал, что это невозможно у католиков.

Он поднял глаза и увидел, что отец Маттиас покраснел. Краска медленно залила все его загорелое лицо, так что кожа стала странно пятнистой.

– Я принял католичество в восемнадцать лет, – тихо проговорил отец Маттиас. – После этого я не общался с моей семьей.

– Кто был Ваш брат? – продолжал спрашивать Штудер.

– Геолог. Он занимался разведкой руд на юге Марокко. Свинец, серебро, медь. Для французского правительства. А потом он умер в Фезе.

– Вы видели свидетельство о смерти?

– Оно было послано второй жене в Базель. Моя племянница видела его.

– Вы знакомы с племянницей?

– Да. Она живет в Париже. Ее устроил сюда секретарь моего покойного брата.

«Так, так», – подумал Штудер и вытащил из сумки записную книжку – это была новая книжка, переплетенная кольцами, сильно пахнувшая юфтью, рождественский подарок его жены, которую всегда раздражали его дешевые вахтенные журналы. Штудер раскрыл ее.

– Дайте мне адреса Ваших обеих золовок, – вежливо попросил он.

– Жозефа Клеман-Хорнусс, Шпаленберг 12, Базель. Софи Хорнусс, Герехтигкайтгассе 44, Берн. – Священник говорил немного задыхаясь.

– И Вы действительно уверены, отец мой, что этим женщинам угрожает опасность?

– Да, действительно... я полагаю... мое сердце предчувствует...

Больше всего Штудеру хотелось сказать человеку с бородой портного: «Перестаньте говорить так напыщенно!» – но он не мог этого себе позволить. Он только сказал:

– Я собираюсь праздновать Новый Год здесь, в Париже, а потом ночным поездом прибуду в Базель на следующее утро. Когда Вы едете в Швейцарию?

– Сегодня... Сегодня ночью!

– Тогда, – сказал Годофрей попугайным голосом, – тогда у Вас еще есть время поймать такси.

– О, Боже! Да, Вы правы... Но где?

Комиссар Маделин окунул кусок сахара в ром и, пососав этот «канард», окликнул храпящего трактирщика и приказал вызвать такси.

Тот вскочил, подбежал к двери, засунул два пальца в рот и засвистел. Свист был таким резким, что отец Маттиас зажал свои уши руками.

Когда рассказчик удалился, комиссар Маделин проворчал:

– Я хотел бы знать только одно. Этот человек принимает нас за маленьких детей? – Штюдере, я очень сожалею. Я думал, он расскажет что-то более важное. И его мне рекомендовали! У него есть связи, большие связи! Но он даже не оплатил свою долю! Действительно, большой ребенок!

– Извините, шеф, но это не так, – возразил Годофрей. – Дети дружат с ангелами. А наш священник с ангелами не разговаривал.

– Хэ? – Маделин раскрыл глаза, и Штудер тоже удивленно посмотрел на супер элегантного карлика.

Но Годофрея не так-то просто было смутить.

– С ангелами дружат, – сказал он, – только те, у кого чистая душа. Наш священник интриган. Вы еще услышите о нем! Ну а теперь, – он помахал рукой хозяину, – теперь мы пьем шампанское за здоровье внука нашего инспектора. – И он повторил немецкие слова телеграммы на французский лад: «Маленький Шакобинек шлет привет старому Шаку...» Штудер рассмеялся так, что слезы подступили к его глазам, и только после этого ответил коллегам.

Это оказалось очень кстати, что комиссар Маделин имел при себе полицейское удостоверение. В противном случае трое мужчин были бы арестованы в два часа ночи за нарушение общественного спокойствия. Штудеру взбрело в голову обучать своих спутников песне: «Парень из Бриенце», а полицейский в униформе посчитал, что Парижский бульвар в этот час неподходящее место для пения. Однако, он успокоился, когда установил профессию трех

мужчин. И, таким образом, вахмистр Штудер мог продолжить передавать коллегам из Парижской криминальной полиции бернское культурное наследие. Он их учил: «Ничего нет веселее и прекраснее...» дойдя до слова «Эмменталь», он получил возможность разъяснить различие между сырами Грейерцер и Эмменталь, поскольку во Франции господствует еретическое представление, что все швейцарские сыры произошли в Грэйерцерлэнде...

ГЛАВА 2. Газ

После того, как вахмистр Штудер разместил свой потрепанный чемодан из свиной кожи в купе ночного скорого поезда Париж-Базель, он вернулся к окну в проходе, чтобы попрощаться с друзьями. Комиссар Маделин вытащил с охами и вздохами упакованную в газетную бумагу бутылку из кармана пальто, Годофрей протянул миску с гусиным печеночным паштетом и прошепелявил:

– Для жены!

Потом поезд отъехал от платформы восточного вокзала и Штудер возвратился в купе третьего класса.

Напротив его углового места расположилась девушка. меховой жакет, серые замшевые туфли, серые шелковые чулки. Девушка закурила сигарету – явно мужское курево, французские сигареты Режи – Голуазе. Она протянула Штудеру синюю маленькую упаковку и вахмистр взял сигарету. Девушка сказала, что она родом из Базеля и едет навестить мать. На Новый год.

– Где живет мать?

– На Шпаленберг.

– Ах, так? На Шпаленберг?

– Да...

Штудер удовлетворился этим ответом. Девушке было лет двадцать, самое большее двадцать три, и вахмистру это очень нравилось. Ему это нравилось, честное слово! Хотя это и не подходило дедушке или солидному мужчине... Хорошенькая! Было приятно провести время с хорошенькой барышней...

Наконец, Штудер устал, извинился за зевок, сказав, что был очень занят в Париже, – девушка улыбнулась довольно беззастенчиво – что бы это значило? Вахмистр прислонил свою отяжелевшую голову в угол, подложив свой плащ, и задремал. Когда он проснулся, девушка все еще сидела напротив и, казалось, совсем не сдвинулась с места. Только синяя пачка с сигаретами, которая в Париже была еще полной, лежала в углу смятая в комок, как пустая бумага. У Штудера нестерпимо болела голова, так как купе было синим от дыма...

Выйдя и вагона в Базеле, вахмистр донес свой чемодан и чемодан своей попутчицы до таможни, после этого попрощался с ней и тут столкнулся с мужчиной, на голове которого была шапка, выглядевшая как бракованный цветочный горшок; белая монашеская ряса покрывала худое тело и ноги – голые, обутые в открытые сандалии...

Вахмистр Штудер ожидал сердечного приветствия. Его не было. Лицо с острой бородкой выглядело боязливым и печальным, рот – какими бледными были его губы! – пробормотал:

– А, инспектор! Как дела?

И не дожидаясь ответа, отец Маттиас подошел к девушке, которая ехала со Штудером, и взял у нее чемодан. Перед вокзалом оба сели в такси и уехали.

Вахмистр расправил могучие плечи. Пророчества капрала-ясновидца, которые священник поведал трем криминалистам в кофейне при Парижском центральном рынке, явно нуждались в подтверждении. Поскольку священник доверился им, то Штудер считал, что это теперь его долг охранять... – как же ее звали? Неважно!.. женщину на Шпаленберг, опасность для которой каким-то образом была связана со свистом... Свист... Что может свистеть? Стрела... Духовое ружье... Что еще? Змея?.. Это все были случаи из детективных историй господина Конан Дойля, которые имели дело со спиритистами. Там была одна история... Как она называлась? Пестрый... пестрая... Да, «Пестрая лента!» Там змея ползла по шнуру звонка. Да, господину Конан Дойлю не откажешь в фантазии! У Штудера кончились его Бриссаго. Французы были очень любезны и гостеприимны, но о Бриссаго они не подумали... И поэтому вахмистру пришлось наполнить свой продолговатый кожаный портсигар в вокзальном киоске. Однако,

он отказался от удовольствия немедленно зажечь одну из этих сигар, а сначала отправился в буфет, где он спокойно съел обильный завтрак. После этого он решил навестить своего приятеля, который жил на Миссионштрассе.

Штудер пошел в обход, свернув сначала на Фрайенштрассе, поскольку было раннее утро и он не хотел потревожить приятеля слишком рано. Он шел, качая головой, не боясь вызвать подозрение у прохожих, так как в этот ранний час вокруг не было никого, кого могло бы заинтересовать покачивание головой, сопровождающееся разговором с самим собой. Вахмистр Штудер качал головой и бормотал:

– Он не дружит с ангелами.

И отец Маттиас, кажется, действительно был человеком, который склонен к интригам.

На рыночной площади вахмистр покачал еще раз головой и пробормотал: «Маленький Якобинек передает привет старому Якобу». Все-таки Хеди – странная баба!.. Теперь ей уже скоро пятьдесят, к тому же бабушка, но она все еще любила оригинальные выражения. Раньше Штудер рассердился бы на это. Но после двадцати семи лет супружеской жизни можно научиться быть снисходительным... ах, Хеди!.. У жены жизнь не всегда была легкой. Но она была крепкий орешек... А теперь хорошая бабушка...

Бабушка... Штудер взглянул вверх, остановился, потому что дорога шла в гору. Правильно: Шпаленберг! И перед ним светился номер...

Вдруг ворота дома распахнулись, на улицу выбежала девушка и, поскольку вахмистр был единственным прохожим на улице, она схватила его за рукав и, задыхаясь, проговорила:

– Пойдемте со мной!.. Моя мать!.. Там пахнет газом!..

И вахмистр Штудер из Бернской криминальной полиции последовал за своей судьбой, на этот раз в облике молоденькой барышни, которая предпочитала курить крепкие французские сигареты и носила меховой жакет, серые замшевые туфли и серые шелковые чулки.

– Стой здесь! – приказал Штудер, после того как он, пытаясь, взобрался на третий этаж. Без сомнения, там был отчетливый запах газа! Ни щекотки, ни ключа в двери... Еловая дверь и хлипкий замок...

Штудер разбежался с шести шагов, не больше. Но простая еловая дверь не смогла выдержать стокилограммового удара. От этого удара дверь послушно подалась – не древесина, а замок – и оттуда навстречу Штудеру хлынуло плотное газовое облако. К счастью, у него оказался большой носовой платок. Штудер крепко завязал его узлом на затылке, так что он закрыл рот и нос.

– Стой снаружи, барышня! – крикнул Штудер. Два шага – и он пересек крохотную кухню и распахнул дверь. Жилая комната была квадратной, с побеленными известью стенами. Вахмистр открыл окно и высунулся наружу... Наконец-то, можно было снять с лица носовой платок, словно отслужившую масленичную маску...

Лабиринт крыш... Дым из каминов мирно поднимался в холодном зимнем воздухе. Иней поблескивал на темных кирпичках. А из-за самого высокого выступа крыши медленно выползло зимнее солнце. Сильный сквозняк уносил из комнаты ядовитый газ.

Штудер повернулся и увидел низкий письменный стол, диван, три стула; на стене телефон. Он пересек помещение и попал в похожую на коридор кухню. Оба крана газовой плитки были открыты, газ со свистом выходил из газовых горелок. Штудер поспешил закрыть краны. Это было не так просто, так как мешало кресло, покрытое зеленой вельветовой накидкой. В нем сидела пожилая женщина, выглядевшая удивительно спокойной, и, казалось, спала. Одна рука покоилась на подлокотнике; вахмистр взял ее, постарался нащупать пульс, покачал головой и осторожно положил холодную руку обратно на резной подлокотник.

Кухня в самом деле была крохотной. Скорее коридор, полтора на два метра. Над газовой плиткой на стене висела деревянная полка. Жестяная посуда – когда-то эмалированная, а теперь потемневшая, с облупленной глазурью, с надписями «Кофе», «Мука», «Соль»... Все указы-

вало на бедность. И сквозь легкий запах газа, который еще оставался в помещении, отчетливо проступал другой: камфора...

Запах старой женщины, одинокой старой женщины.

Это был очень специфический запах, который Штудер хорошо знал; он знал его из крохотных квартир на Метцгергассе, где старым женщинам время от времени становилось невыносимо тоскливо или невыносимо одиноко, и тогда они открывали газовый кран. Иногда, впрочем, это были не одиночество, не тоска, а нужда...

Штудер подошел к входной двери. Слева от нее, на косяке, под белой кнопкой звонка была табличка:

Жозефа Клеман-Хорнусс

Вдова

Вдова! Как будто вдова может быть профессией!..

Он позвал девушку, которая стояла, прислонившись к перилам веранды, – дом был построен с юмором: веранда вела в маленький садик, при том что квартира была на третьем этаже, а маленький садик был окружен каменной оградой, в которую была встроена дверь; куда вела дверь?.. Скорее всего, в переулок... он еще раз позвал девушку и она подошла поближе. Это было естественным и само собой разумеющимся, что вахмистр мягко подвел девушку к креслу, в котором мирно дремала старая женщина.

Но в то время как дочь вытащила свой крохотный носовой платочек и вытирала слезы, нечто странное бросилось в глаза вахмистру:

Старая женщина в кресле была одета в красный домашний халат, весь в кофейных пятнах. Но на ногах у нее были высокие зашнурованные ботинки – уличная обувь, а не шлепанцы!

Штудер поискал глазами газовый счетчик: он был высоко на стене, как раз рядом с дверью квартиры, на деревянной полке, и его циферблат выглядел как зеленое, толстое, искаженное гримасой лицо.

И входной газовый кран выглядел тоже скошенным!..

Он был скошенным. Точнее говоря, он был повернут под углом сорок пять градусов...

Почему кран был открыт только наполовину? Почему не полностью?

Вообще, весь случай выглядел странно. Вахмистр был из Бернской криминальной полиции, поэтому он должен был обстоятельно объяснить базельцам, к какому он пришел к заключению. Впрочем, это похоже на самоубийство, самоубийство светильным газом – ничего необычного. Ничего необычного...

Штудер прошел в жилую комнату, которая в то же время служила спальней, – в углу стоял диван – и стал искать телефонный справочник. Он лежал на письменном столе, рядом с разложенными игральными картами. В то время как он искал номер санитарной полиции, вахмистр рассеянно подумал, как это было необычно, что самоубийца перед смертью раскладывала пасьянс... Из телефонного справочника на пол выпал лист бумаги. Штудер поднял его и положил рядом с разложенным пасьянсом – странная деталь – карты были выложены в четыре ряда, а наверху в левом углу лежал пиковый валет... Штудер нашел нужный номер. В трубке долго гудело. Санитарная полиция, вероятно, продолжала праздновать Новый год. Наконец, ответил тягучий голос. Штудер доложил: «Шпаленберг 12, третий этаж, Жозефа Клеман-Хорнусс. Самоубийство»... И повесил трубку.

Он все еще держал в руке листок бумаги, который выпал из телефонного справочника. Пожелтевший листок был сложен неисписанной стороной наружу. Штудер развернул его. – Температурная кривая...

HÔPITAL MILITAIRE DE FEZ.

Nom: Cleman, Victor Alois. Profession: Géologue.

Nationalité: Suisse.

Entrée: 12/7/1917. – Paludisme.

В переводе на немецкий это означало, что речь шла о некоем Клемане Викторе Алоизе; профессия: Геолог; гражданство: Швейцария; дата поступления: двенадцатое июля тысяча девятьсот семнадцатого. Мужчина с диагнозом малярия.

У температурной кривой было несколько крутых пиков, она тянулась с двенадцатого по тридцатое июля. А тридцатого июля синим карандашом был изображен крест. Тридцатого июля умер Клеман Виктор Алоиз, геолог, швейцарец.

Клеман?.. Клеман-Хорнусс?.. Шпаленберг 12?..

Штудер вытащил записную книжку. То же самое было написано на первой странице рождественского подарка!..

– Барышня! – закричал Штудер; это обращение, по-видимому, не очень удивило девушку в меховом жакете.

– Послушай, барышня, – сказал Штудер. Девушка приблизилась. Он положил записную книжку на стол и стал вчитываться в записи, при этом задавая девушке вопросы.

И это теперь выглядело так, как будто вахмистр начал расследование нового дела.

– Это был твой отец? – спросил он, указывая на имя над температурной кривой.

Кивок.

– Как тебя зовут?

– Мари... Мари Клеман.

– А я вахмистр Штудер из Берна. Вчера человек, который встретил тебя сегодня утром на вокзале, попросил меня о помощи – в том случае, если что-нибудь произойдет в Швейцарии с его родственниками. Он рассказал мне сказку, но из этой сказки одно оказалось правдой: твоя мать мертва.

Штудер остановился. Он думал о свисте. Никакой стрелы. Никакого духового ружья. Никакой пестрой ленты... Газ!.. Газ тоже свистит, если выходит из газовой горелки... Тоже?.. И опять склонился над температурной кривой.

Вечерняя температура восемнадцатого июля и утренняя температура девятнадцатого была 37.25. Над этой чертой было отмечено:

«Сульфат хинина 2 км»

С каких пор хинин давали километрами? Описка? Вероятно, речь шла об инъекции и вместо 2 куб. см, что было бы сокращением для кубического сантиметра, какой-то растяпа написал «километр».

Странно...

– Твой отец, – продолжал Штудер, – умер в Марокко. В Фезе. Как я слышал, он там занимался разведкой руд. Для французского правительства... Кстати, кто был тот человек, который встретил тебя сегодня на вокзале?

– Мой дядя Маттиас, – ответила Мари удивленно.

– Все сходится, – сказал Штудер. – Я познакомился с ним в Париже.

Воцарилось молчание. Вахмистр сидел за низким письменным столом, удобно откинувшись назад. Мари Клеман стояла перед ним и теребила свой носовой платок. Тишину нарушил пронзительный звонок телефона. Мари хотела встать, но Штудер дал ей знак, чтобы она оставалась на месте. Он взял трубку и ответил так, как он обычно отвечал в офисе своего управления:

– Да?

– Можно фрау Клеман?

Неприятный голос, резкий и громкий.

– В настоящий момент нет, могу я ей что-то передать? – спросил Штудер.

– Нет-нет! Впрочем, я знаю, что фрау Клеман мертва, Вы меня не проведете. Вы, наверное, из полиции? Хахахаха...

Настоящий актерский смех! Человек произносил «Ха». Затем в трубке послышались гудки.

– Кто это был? – спросила Мари боязливо.

– Шутник, – сухо ответил Штудер. И вслед за этим спросил, – А где сейчас твой дядя Маттиас?

– Католические священники каждое утро, – ответила устало Мари – каждое утро должны служить мессе... Где бы они ни находились. Иначе, я думаю, им нужно получить разрешение... От Папы... или от епископа... я не знаю...

Она вздохнула, взяла температурную кривую и стала внимательно ее изучать.

– Что это значит? – вдруг спросила он и указала на синий крест.

– Это? – Штудер встал за девушкой. – Это, скорее всего, день смерти твоего отца.

– Нет! – вскрикнула Мари. Затем она продолжала более спокойно. – Мой отец умер двадцатого июля. Я сама видела свидетельство о смерти и письмо генерала! Мой отец умер двадцатого июля 1917.

Она замолчала и Штудер замолчал тоже.

После недолгого молчания Мари продолжала:

– Мать рассказывала об этом довольно часто. Двадцать первого июля пришла телеграмма, телеграмма должна быть, насколько я помню, в письменном столе, во втором ящике снизу. А потом, примерно через четырнадцать дней, почтальон принес большой желтый конверт. В нем было не так много. Паспорт отца, четыре тысячи франков в купюрах алжирского государственного банка и письмо с соболезнованием от французского генерала. Лиотей было его имя. Очень лестное письмо: Как хорошо господин Клеман представлял интересы Франции, как благодарна была страна господину Клеману за то, что он разоблачил двух немецких шпионов...

– Двух шпионов? – переспросил Штудер. Он сидел на стуле в углу у открытого окна, упрею локти в бедра и сложив руки, и пристально смотрел в пол.

– Двух шпионов? – повторил он.

Мари закрыла окно. Она смотрела во двор, ее пальцы выстукивали однообразный ритм на оконном стекле и от ее дыхания на нем образовалось мутное пятно; маленькие капельки, конденсируясь, стекали вниз и скапливались на оконной раме.

– Да, двух шпионов, – продолжала Мари монотонным голосом. – Братьев Маннесман... А с письмом это было так: Мы жили тогда в Райншанце и у нас была большая квартира. И вот пришло письмо. У меня были каникулы... Почтальон принес большой конверт, письмо было заказным, и мать должна была расписаться. Две слезы упали на журнал почтальона и записку, сделанную чернильным карандашом, расплылась. Отец оставил немного и после его смерти дела у нас пошли плохо. Мать потом часто удивлялась, что осталось так мало денег. Тетя в Берне, которая владела имуществом...

Штудер полистал свою записную книжку. Первая жена!.. Не о ней ли говорил священник, Белый Отец? Вот: «Софи Хорнусс, Герехтигкайтгассе 44, Берн».

– Какие отношения были у отца с двумя шпионами – с... как ты их назвала?.. ах, да! с братьями Маннесман?

– Хорошие. Сначала очень хорошие. Я знаю все это только от матери. Они производили бурение, как я Вам говорила, главным образом, на юге Марокко. Отец обнаружил рудное месторождение. Братья Маннесман представились швейцарцами, но потом, во время войны, они помогли нескольким немцам из Иностранного Легиона возвратиться на родину. Отец узнал про это и сообщил генералу. И тогда оба были поставлены к стенке. В знак благодарности за до... за сообщение отец был вскоре после этого награжден французским правительством...

– Так-так, – кивнул Штудер. Он встал и снова склонился над письменным столом. Его заставили это сделать разложенные карты.

– А какое отношение к случившемуся имеют карты?

Мари Клеман уперлась руками на подоконник и присела на выдающийся вперед выступ. При этом носки ее туфель касались края потертого ковра. Какая же она худая!..

– Карты! Это превратилось в бедствие! Поэтому-то я и уехала от матери! – ответила Мари. – Ах, – вздохнула она, – это больше невозможно было терпеть, все это надувательство! Служанки, которые платили десять франков, чтобы узнать, верен ли им их любовник; торговые агенты, которым нужен был совет для их махинаций; политики, которым нужно было подтверждение, что их переизберут... И, наконец, появился еще директор банка. Но этот господин пришел из-за меня. И знаете, дядя Штудер, я даже думаю, что мать не имела ничего против того, чтобы я с директором банка... И тогда я уехала...

Штудер поднялся. Он встал напротив девушки. Как Мари его назвала? Дядя Штудер? У него перехватило дыхание... Ну, в конце концов, что в этом такого? Он по старой бернской привычке говорил девушке «ты». Почему же Мари не имела права на некоторую фамильярность? Дядя Штудер! Это согревало... Так же, как Bätziwasser⁵.

– Если уж ты, – сказал Штудер, его голос звучал немного хрипло, – называешь меня дядей, почему бы не называть меня кузен Якоб. Дядя! Так говорят швабы...

Мари покраснела. Она посмотрела вахмистру в лицо – у нее была особая манера смотреть на людей: не столько испытывающе, сколько удивленно, это можно было бы назвать – спокойно-удивленно. Штудер подумал, что этот взгляд шел девушке. Но он также мог себе представить, что такой взгляд мог действовать людям на нервы.

– Хорошо! Пусть будет так! – сказала Мари. – Кузен Якоб! – И протянула вахмистру руку. Рука была маленькая, но сильная. Штудер откашлялся.

– Ты уехала... Прекрасно. Твой дядя сказал мне, что в Париж. С кем?

– С бывшим секретарем моего отца. Его зовут Коллер. Он пришел к нам однажды и рассказал, что он теперь стал самостоятельным и ему нужен был кто-то, кому он мог бы доверять. Не хочу ли я сопровождать его в качестве стенографистки? Я училась в торговой школе и ответила «да»...

Меховой жакет, шелковые чулки, замшевые туфли... Достаточно ли было заработка секретарши для таких дорогих вещей? Штудер засунул руки в карманы брюк. Ему стало немного грустно; поэтому он повернулся спиной и спросил:

– Почему ты сейчас вдруг приехала к матери?

Снова странный испытывающий взгляд.

– Почему? – повторила Мари. – Потому что Коллер внезапно исчез. Надолго. Три месяца назад, три с половиной. Точнее, пятнадцатого сентября. Он оставил мне четыре тысячи французских франков и мне на какое-то время хватило денег – до конца декабря. После этого у меня осталось достаточно только для того, чтобы приехать в Базель.

– Почему ты не поехала со своим дядей?

– Он хотел ехать один.

– Ты сообщила об исчезновении?

– Да. В полицию. Они конфисковали документы... Некто Маделин позаботился об этом. Однажды он вызвал меня...

Фраза!.. Фраза!.. Вахмистр никак не мог вспомнить фразу, которую сказал комиссар Маделин тем вечером, когда Штудер показал телеграмму о появлении маленького Якобинка. Что там Маделин говорил этой ходячей энциклопедии Годофрею? ... Кажется, что-то про документы по делу Коллера... Да, именно об этом шла речь. Был ли это тот же самый Коллер?

Штудер спросил:

– Где твоя мать хранила вещи, оставшиеся от твоего отца?

– В письменном столе, – ответила Мари и повернулась спиной. – Во втором снизу ящике. Во втором снизу ящике...

Ящик был пуст. Все же, одно только это не казалось чем-то слишком особенным. Необычно, однако, было то, что взломщик, который вскрыл ящик, снова аккуратно поставил на место отколотый кусочек дерева. Штудер задвинул пустой ящик и тоже вернул отколотый деревянный кусочек точно на его место. Он поднялся, вытащил из кармана носовой платок, склонился еще раз к ящику и аккуратно протер его. При этом он пробормотал: «Никогда не знаешь...»

– Нашли что-то, кузен Якоб? – спросила Мари, не поворачиваясь.

– Твоя мать, должно быть, положила это в другой ящик... – проворчал Штудер. И произнес громче, – первая жена твоего отца живет в Берне и ее зовут... – Штудер раскрыл записную книжку, но Мари опередила его:

– Ее зовут Хорнусс, Софи Хорнусс, Герехтигкайтгассе 44. Она старшая сестра моей матери, и, соответственно, моя тетя, если хотите...

– Теплые семейные отношения, – сухо заметил Штудер.

Мари улыбнулась. Потом улыбка исчезла и ее глаза стали темными и печальными. «Это она и без меня знала», – подумал Штудер и пожалел о сказанном, потому что его глупая шутка причинила девушке боль.

В прихожей послышались шаги. Петли выломанной двери завизжали и голос осведомился, здесь ли произошло самоубийство.

– Это, пожалуй, должно быть здесь, – сказал второй голос. – На табличке написано «Клеман». – И добавил, – Точно, здесь, – а затем что-то неразборчивое.

Штудер возвратился в маленькую кухню и столкнулся там с человеком в форме. Столкновение было мягким, так как санитар был толстым, розовым и гладким, как молочный поросенок. Он, казалось, старался подавить зевок и засыпал вахмистра потоком вопросов, которые постоянно перемежались с «да» и «так». При этом санитар перекатывал во рту «р» как при полоскании горла, вместо того, чтобы произносить его аккуратно, как прочие Швейцарские христиане, упираясь языком в переднее небо. Судебный врач был старым, с желтыми от постоянного курения усами.

Штудер представился сам и представил Мари.

Мертвая женщина в кресле, казалось, улыбалась. Вахмистр снова посмотрел ей в лицо. Рядом с левой ноздрей была бородавка...

Тело унесли через дверцу в каменной ограде. Это заняло много времени, потому что долго не могли найти ключ от калитки, – в квартире покойной вообще не нашли никаких ключей. Наконец, их выручил сосед, разбуженный шумом.

Штудер устал. У него не было желания рассказывать коллеге из санитарной полиции о странных фактах: скошенной ручке на газометре, уличной обуви у старой женщины в домашнем халате... Вахмистр стоял и пристально смотрел на латунную вывеску: «Жозефа Клеман-Хорнусс. Вдова».

Затем он пригласил Мари выпить с ним чашечку кофе. Это казалось ему сейчас самым разумным...

ГЛАВА 3. Первая жена

Сразу за Олтенем пошел снег. Штудер сидел в вагоне-ресторане и смотрел в окно. Холмы, пробегающие мимо, казались мягкими за белым снежным занавесом, который спускался настолько плавно, что выглядел неподвижным...

Перед вахмистром был синий кофейный сервиз, а рядом с ним в некотором отдалении стоял графин с вишневой наливкой. Штудер перевел взгляд от окна к записной книжке, которая была раскрыта перед ним. Он зажал карандаш между указательным и средним пальцем и написал мелким почерком, где каждая буква стояла отдельно от других, как в греческом языке:

«Клеман-Хорнусс Жозефа, вдова, 55 лет. Отравление газом. Самоубийство? Этому противоречат: косое положение входного крана газового счетчика; отсутствие ключей к двери квартиры и к садовой калитке; взломанный ящик письменного стола... И телефонный звонок».

Телефонный звонок! Штудер, сидя в вагоне-ресторане скорого поезда Базель-Берн, снова слышал этот голос – и как тогда в квартире вдовы Клеман-Хорнусс он казался ему знакомым. Он напоминал ему другой голос, который он слышал несколько дней тому назад в маленькой кофейне при центральном Парижском рынке, – то есть тембр голоса был тот же самый, звучание было похоже...

И голос звучал пьяно. С задержанным дыханием, как у человека, выпившего без остановки несколько рюмок коньяка. Первый вопрос: с какой целью звонил этот пьяный? И второй: Где был в это время отец Маттиас из ордена Африканских Миссионеров³? В какой церкви он служил свою утреннюю мессу? Не в той ли бетонной церкви, которую базельцы окрестили «ловушка для душ»?

Штудер, погруженный в размышления, смотрел в окно. Он протянул руку, вместо кофейника взял графин с вишневой наливкой, наполнил доверху свою чашку, поднес ее ко рту и заметил свою ошибку только тогда, когда он ее уже опустошил. Он посмотрел вверх, встретил усмешку официанта, усмехнулся в ответ, пожал плечами, снова взял графин, вылил остаток шнапса в свою чашку и принялся усердно записывать.

«Клеман Алоиз Виктор. Геолог на службе братьев Маннесман. Бурение в поисках свинца, серебра, меди. Его работодатели были расстреляны в 1915 в Касабланке по закону военного времени, так как они помогли нескольким немцам дезертировать из Иностранного Легиона. Клеман – доносчик! В 1916 Клеман возвращается в Швейцарию, путешествует, однако, в том же году по поручению французского правительства снова отправляется в Марокко. Инспектирует печи для выплавки свинца, установленные братьями Маннесман на юге страны. Тяжело заболел в июле 1917, был доставлен самолетом в Фез. Умер там, как утверждает дочь на основе пропавшей телеграммы, двадцатого июля. Оставил незначительное наследство. Был женат дважды. Первая жена живет в Берне (смотри сведения от священника). По-видимому, владеет наследством. Сестра умершей в Базеле Жозефы Клеман».

...Озеро Герцогенбух... Снег прекратился. От сухого тепла в вагоне клонило ко сну и Штудер погрузился в мечты...

Иностраный Легион! Марокко! Тоска по дальним странам и их экзотике, которая, хотя и очень робко, возродилась от рассказа отца Маттиаса, росла в груди Штудера. Да, в груди! Это было удивительно захватывающее чувство; неизвестные миры манили, и возникали картины, о которых можно было грезить наяву. Пустыня была бесконечно широкой, верблюды бежали рысью по ее золотистому песку, люди, темнокожие, в одежде странников, величественно шествовали по ослепительно белым городам. Шайка разбойников грабит Мари – как вдруг Мари оказалась в мечтах? – захватывает ее в плен, и ее нужно освободить. «Спасибо, кузен Якоб», – говорит она. Это было счастье! Это было нечто иное, чем вечные отчеты в мест-

ном управлении Берна, в маленькой конторе, где пахло пылью и потом!.. Там вдали были другие запахи – чужие, неизвестные. И в голове вахмистра возникали строки из Песни песней Соломона, из сказок Тысячи и одной ночи...

Может быть, это было действительно важное дело... И тогда, может быть, его официально пошлют в Марокко... Во всяком случае, нужно завтра же с самого раннего утра пойти на Герехтигкайтгассе 44, чтобы расспросить бывшую жену геолога...

...Бургдорф... Штудер вылил остаток холодного кофе в свою чашку, выпил смесь, нашел его вкус отвратительным и крикнул:

– Счет!

Официант снова доверительно ухмыльнулся. Но Штудеру больше не было дела до его усмешки. Он не мог забыть Мари, которая поехала с секретарем Коллером в Париж, – меховой жакет, шелковые чулки, замшевая обувь! – Невозможно было отрицать, что он полюбил Мари... У него было такое чувство, как будто он снова нашел дочь. С тех пор, как его дочь год назад вышла замуж за полицейского из Тургау, а теперь она стала матерью, вахмистру казалось, что он окончательно ее потерял. Все эти неясные чувства были, наверное, виноваты в том, что он дал услужливому официанту только двадцать центов чаевых.

Его настроение не улучшилось, когда он вышел в Берне. Квартира на Кирхенштрассе была пуста – у Штудера не было желания топить печь. Он пошел в кафе, чтобы поиграть там в бильярд, потом посмотрел кино, которое вызвало только раздражение. Позже он выпил где-то пару кружек светлого пива, но и оно ему тоже не понравилось. Таким образом, вахмистр добрался до кровати только около одиннадцати вечера с сильной головной болью. Он долго не мог заснуть.

Старая женщина с бородавкой у левой ноздри, сидевшая спокойно и отрешенно в своем зеленом кресле рядом с двухкомфорочной газовой плиткой, возникла в темноте... Мари появилась и исчезла. Затем был новогодний вечер, комиссар Маделин и ходячая энциклопедия Годофрей... Особенно этот Годофрей, которого никак нельзя было прогнать... «Бедная женщина!» – сказал Годофрей и протянул миску с гусиной печеню в окно вагона... Но потом миска стала огромной, зеленой и, непрерывно гримасничая, она устроилась на полке и превратилась в газометр, этот проклятый газометр стал головой, кошмарным чудовищем, которое размахивало своей единственной рукой... Рука поворачивалась вертикально, горизонтально, косо... Мари шла под руку с отцом Маттиасом – но это был не отец Маттиас, а секретарь Коллер, который выглядел как двойник вахмистра...

В полусне Штудер громко проговорил: «Что за чушь!»

Его голос прогремел в пустой квартире; в отчаянии Штудер ощупал кровать рядом с собой. Но Хеди была все еще в Тургау, чтобы нянчиться с маленьким Якобинексом... Охая, он втащил руку обратно под одеяло, потому что она замерзла. И тогда он внезапно заснул...

– Ну, как там в Париже? – спросил на следующее утро в девять часов капрал-следователь Мурманн, который делил офис со Штудером. Вахмистр был все еще в плохом настроении; он хрюкнул что-то непонятное и продолжал стучать по клавишам своей пишущей машинки. В помещении пахло холодным дымом, пылью и потом.

Мурманн сел напротив своего друга Штудера, вытащил из кармана «Бунд» и начал читать.

– Кёбу! – вскрикнул он немного погодя. – Какой случай!

– Да-а-а, – недовольно отозвался Штудер. Он должен был написать отчет о продолжающихся с некоторого времени кражах мансард, который, громко крича по телефону, потребовал от него судебный следователь.

– В Базеле, – продолжал Мурманн, – кто-то отравился газом...

– Я уже давно это знаю, – сказал Штудер раздраженно.

Но Мурманна не так-то просто было остановить...

– Самоубийство газом, должно быть, заразно, – продолжал он. – Сегодня в шесть утра был вызов на Герехтигкайтгассе, но в это время в городской полиции никого не оказалось, все были еще на каникулах... Да... И на Герехтигкайтгассе женщина тоже отравилась газом.

– На Герехтигкайтгассе? Какой номер? – спросил Штудер.

– Сорок четыре, – ответил Мурманн, пожевал сигарету, почесал в затылке, встряхнул «Бунд» и продолжил читать передовую статью.

Вахмистр внезапно испугался и вскочил с места; стул с грохотом упал. Штудер склонился над столом, дыхание перехватило.

– Как звали женщину? – Его обычно бледное лицо стало красным.

– Кёбу, – мягко осведомился Мурманн, – тебе что-то послышалось?

Нет, Штудеру ничего не послышалось. Он сильно потряс головой в ответ на предположение, но он непременно хотел знать имя умершей.

Мурманн читал:

– Э... Разведена, э... Старая женщина... Хорнусс, Хорнусс, Софи, – он произнес имя с ударением на первом слоге. – Тело уже в судебно-медицинской...

– Так, – только и мог выговорить Штудер. Он отпечатал еще одно предложение, оторвал лист от валика, поставил свою подпись, подошел к вешалке, надел плащ и со стуком захлопнул за собой дверь...

– Да-а, Кёбу! – покачал головой Мурманн и снова зажег окурок сигареты, потом, усмехаясь, дочитал до конца передовую статью, которая предупреждала о возрастании красной опасности. Мурманн придерживался свободных взглядов и верил в эту опасность...

Герехтигкайтгассе 44. Рядом с входной дверью вывеска школы танцев. Деревянная лестница. Очень чисто – не так, как в том доме на Шпаленберг. На третьем этаже, на желтой окрашенной двери, которая была открыта, табличка: «Софи Хорнусс».

Эта женщина не была профессиональной вдовой. Штудер вошел.

На полу лежал замок, который выпал, когда взламывали дверь. Тишина...

Прихожая просторная и темная. Слева стеклянная дверь вела в кухню. Штудер принюхался. Здесь тоже чувствовался запах газа. Кухонное окно было открыто; лампа, свешивающаяся с потолка, поверх фарфорового абажура была покрыта куском квадратного шелка фиолетового цвета, на его углах висели коричневые деревянные шары. Лампа раскачивалась из стороны в сторону.

Около окна стояла солидная газовая плита с четырьмя комфорками, духовкой, грилем. Рядом с газовой плитой удобное кожаное мягкое кресло, которое выглядело несколько странно в кухне. Кто притащил его из жилой комнаты в кухню? Старая женщина?

На покрытом клеенкой кухонном столе лежали игральные карты, четыре ряда по восемь карт. Первой картой в верхнем ряду был пиковый валет.

Штудер заложил руки за спину и прошелся по кухне из угла в угол, открыл кран, потом закрыл его, взял с полки сковороду, приподнял крышку...

В раковине стояла чашка с черным осадком на дне... Штудер понюхал ее: слабый анисовый запах. Он попробовал на вкус.

Горький привкус, который долго оставался на языке... Запах! – По воле случая Штудер был знаком и с тем, и с другим. Два года назад врач прописал ему снотворное от бессоницы.

Somnifer!.. Горький, как желчь, вкус, анисовый запах... Старая женщина тоже страдала бессонницей?

Но почему, черт возьми, она выпила снотворное, затем перетащила кожаное кресло в кухню и, наконец, открыла кран газовой плиты? Почему?

Мертвая женщина в Базеле, мертвая женщина в Берне... И связующее звено между ними – мужчина: Клеман Виктор Алоиз, геолог и швейцарец, умерший в госпитале в Фезе во время мировой войны. Почему обе жены Клемана покончили с собой через пятнадцать лет

после его смерти? Одна сегодня, вторая вчера? И покончили с собой одним, мягко говоря, странным способом?

Может, это было то «Громкое дело», о котором мечтает каждый криминалист, даже если он – только простой следователь?

«Простой!»... Собственно, это определение не подходило вахмистру. Если бы Штудер был «простым», то его коллеги, от начальника полиции до простого ефрейтора, не утверждали бы, что его «иногда заносит».

В этом определении частично была повинна громкая банковская история, на которой он сломал себе шею в то время, когда он был уважаемым комиссаром городской полиции. Он вынужден был подать в отставку и начать все сначала в полиции кантона как простой следователь. Вскоре он дослужился до вахмистра; он свободно говорил на трех языках: французском, итальянском, немецком. Он читал по-английски. Он работал при Гроссе в Граце и при Локарде в Лионе. У него были хорошие знакомые в Берлине, Лондоне, Вене и, более того, в Париже. Его обычно посылали на криминологические конгрессы. Когда его коллеги утверждали, что его «заносит», то они, вероятно, подразумевали под этим, что он обладал слишком богатой фантазией для жителя Берна. Но это было не совсем так. Он, возможно, только видел кое-что дальше своего носа, длинного, острого и тонкого, который торчал на его худом лице и совсем не подходил его массивному телу.

Штудер вспомнил, что у него был знакомый ассистент в судебно-медицинском департаменте, с которым он работал ранее. Он прошел по квартире в поисках телефона. В гостиной с красными плюшевыми креслами с накидками, вычурным столом и секретером телефон висел на стене.

Штудер снял трубку и набрал номер.

– Я хотел бы поговорить с доктором Малапелле... Да?... Это Вы, доктор? Вы уже произвели вскрытие?... Да, самоубийство газом, как Вы сказали?... Спасибо, доктор!..

И Штудер дальше перешел на итальянский, рассказал о своих подозрениях относительно снотворного... Врач пообещал подготовить заключение во второй половине дня.

После этого вахмистр полистал еще телефонный справочник. Нет, здесь не было температурной кривой. По виду комнаты не было похоже, что здесь что-то искали. Штудер проверил ящики письменного стола, они были заперты.

Спальня... Огромная кровать у единственного окна с красными бархатными шторами. Они затемняли помещение. Штудер раздвинул шторы.

Над кроватью висела фотография мужчины.

Одинокая женщина в Берне, одинокая женщина в Базеле. – Женщина в Берне была в несколько лучшем положении. У нее была двухкомнатная квартира с кухней, в то время как в Базеле Жозефа использовала в качестве кухни коридор между жилой комнатой и спальней. Но они обе были одиноки. Штудер поймал себя на том, что называл обеих женщин по имени. Жозефа в Базеле, Софи в Берне, обе, шаркая шлепанцами, бродили по квартире, может быть, в этих же шлепанцах они выходили наружу, чтобы «пройтись по магазинам».

Странно, что в квартире Жозефы в Базеле не было фотографии умершего геолога. При этом Жозефа была законной супругой, в то время как Софи была только «разведенной».

Но над кроватью разведенной в толстой деревянной раме висела увеличенная фотография Клемана Виктора Алоиза. Поскольку только о нем могла идти речь.

На фотографии у него была темная курчавая борода, которая почти полностью закрывала высокий западный воротник, так что форму галстука нельзя было определить. Борода! Знак мужского достоинства перед войной!

С такой бородой геологу и швейцарцу должно было быть жарко там, в Марокко, при бурении в поисках серебра, свинца и меди!.. При этом мужчина носил очки, овальные стекла которых скрывали глаза. Скрывали ли? Это не было подходящим словом!.. Они только обрам-

ляли взгляд, удивительно тусклый и отрешенный – безразличный. И из-за этого все лицо становилось невыразительным.

Красивый мужчина! По крайней мере, в соответствии с представлениями того времени о мужской красоте...

Штудер пристально смотрел на фотографию; он, казалось, надеялся, что супруг расскажет что-то о двух женах. Но путешествовавший в далеких краях геолог смотрел так безразлично, как может смотреть только ученый. И, наконец, вахмистр досадливо повернулся к нему спиной.

Когда он вернулся в кухню, кожаное мягкое кресло уже не было пустым.

Там сидел мужчина, игравший в странную игру: на указательном пальце правой руки он держал шапку, которая выглядела как бракованный цветочный горшок. Своей левой рукой он тихонько ударял по шапке, отчего та медленно вращалась.

Мужчина, который был облачен в белую рясу, взглянул вверх:

– Добрый день, инспектор, – проговорил он. И потом добавил на швейцарском немецком с иностранным акцентом, – С Новым годом!

– И Вас так же, – ответил Штудер, останавливаясь в дверном проеме и прислоняясь к косяку.

ГЛАВА 4. Отец Маттиас

– Основатель нашего ордена, кардинал Лафигери³, – начал отец Маттиас, продолжая постукивать по своему бракованному горшку, который там в Африке называли «чечия»⁴, – наш уважаемый кардинал однажды выразился: «Христианин никогда не приходит слишком поздно». Конечно, это выражение надо понимать в переносном смысле, поскольку в нашей земной жизни это далеко не так. Это зависит от средств, доступных человеческому обществу: железнодорожные поезда, пароходы, автомобили... Моя племянница Мари, с которой я виделся вчера вечером, рассказала мне, что произошло в Базеле. Поскольку поездов уже не было в это время, я тут же взял такси и поехал в Берн. По дороге случилась дополнительная задержка, так как мы попали в аварию. Поэтому я добрался сюда только сейчас, дверь была взломана, замок лежал на полу и еще был слабый запах газа... И тогда я услышал Ваши шаги в квартире. «Скорее всего, – подумал я про себя, – это пришел тот приятный инспектор, с которым я имел честь и удовольствие познакомиться в Париже». Это было поистине Божественное провидение! – Так кстати...

Сначала Штудер не слушал, что было сказано, но скорее внимательно прислушивался к звучанию речи и сравнивал ее с интонацией того другого голоса, который высмеивал его по телефону. Священник говорил на прекрасном литературном немецком, только время от времени «х» звучало по-швейцарски шипяще... Голос был хорошо поставленным голосом проповедника; глубокий, как орган, он не соответствовал его худому телу.

Но голос можно изменить, не так ли? В маленькой Парижской кофейне голос звучал немного выше. Может быть, этому был виной французский язык, на котором священник тогда говорил?

Внезапно Штудер наклонился и поднял замок с пола. Он внимательно его осмотрел, потом посмотрел вверх и поискал взглядом газометр. В кухне его не было. Он висел над дверью в прихожей и выглядел точно так же, как его двойник в Базеле: зеленое, толстое, искаженное гримасой лицо...

И рычаг, который служил входным краном для газа, стоял косо.

Штудер снова взглянул на замок в своей руке. Тут он услышал, как голос проповедника произнес:

– Если Вам нужна лупа, то я могу Вам ее предоставить. Я занимаюсь ботаникой и геологией и поэтому ношу всегда увеличительное стекло в кармане...

Вахмистр взглянул вверх; он слышал, как пружины мягкого кресла заскрипели, а затем что-то уткнулось ему в руку – он поднес увеличительное стекло к глазам...

Без всякого сомнения, вокруг замочной скважины были видны серые волокна, особенно на выступающем остром верхнем крае, как будто об него терлась веревка.

...И входной газовый кран стоял под углом сорок пять градусов!

Бессмыслица!.. Принимая во внимание, что старая женщина выпила снотворное и задремала от этого в кожаном мягком кресле – не проще ли было для предположительного убийцы открыть мимоходом газовый кран и потом тихо удалиться?.. Если это действительно было убийство...

Зачем лишние осложнения? Веревку накинули на газовый кран, протянули через газовую трубу, конец веревки засунули в замочную скважину и потом тянули снаружи, тянули до тех пор, пока петля не сползла с железного рычага крана и веревку можно было вытащить!..

– У старых женщин очень чуткий сон... – сказал отец Маттиас. Он улыбался? Это было трудно определить, несмотря на жидкие усы, которые свисали над его ртом, словно тонко связаный крючком кружевной занавес. Но он наклонил голову вниз и продолжал вращать свою

красную шапку. Солнечный луч падал через кухонное окно и вокруг тонзуры на его затылке короткие волосы блестели как лед...

– Спасибо, – сказал Штудер и вернул лупу. Священник отправил ее в бездонный карман своей рясы, вытащил коробку с табаком, шумно втянул его носом и потом ответил:

– Тогда, в Париже, где я имел честь с Вами познакомиться, я должен был настолько внезапно прерваться, что мне не удалось рассказать Вам другие важные детали... – Пауза. – ... о моем брате, моем умершем в Фезе брате.

– Важные? – переспросил Штудер, держа зажженную спичку под Бриссаго.

– Зависит от того, как на это смотреть. – Священник замолчал, играя своей чечией; казалось, он внезапно принял какое-то решение, так как он встал, положил свою шапку на стул и сказал, – Я сварю Вам кофе...

– Странно... – пробормотал Штудер. Он сел на выкрашенную белой краской кухонную табуретку рядом с дверью и прикрыл глаза, оставив только узкие щелочки. «Нужно только не показывать удивления, – подумал он, – и, особенно, любопытства!» – Монах явно хотел его запутать.

В этой кухне незадолго до этого погибла старая женщина. Но священник, казалось, ни на мгновение не обеспокоился этим, он взял кастрюлю, наполнил ее водой из-под крана и поставил ее на комфорку. Затем он попросил вахмистра встать с табуретки, поднялся на нее, полностью открыл газовый кран, повернув его вертикально, спустился на пол и рассеянно проговорил:

– Где же может быть кофе?

А Штудер представил деревянную полку над газовой плиткой в кухне на Шпаленберг и жестянки с облупившейся эмалевой глазурью: «Кофе», «Соль», «Мука». Здесь ничего этого не было. В кухонном шкафчике оказался красный бумажный пакет с молотым кофе.

Тихий щелчок – священник зажег огонь под кастрюлей. Потом он прошелся широкими шагами из конца в конец кухни; складки его рясы разошлись и снова вернулись в прежнее положение, но на считанные доли секунды солнечный луч осветил что-то белое: это что-то сверкнуло как новенькая серебряная монета...

– Он предсказал это, мой ясновидящий капрал, – сказал Отец Маттиас, – он знал это... Сначала в Базеле, потом в Берне. И мы оба не смогли спасти этих женщин. Я не смог, потому что каждый раз прибывал слишком поздно. Вы, инспектор, не смогли, потому что Вы мне не поверили.

Молчание. Газовое пламя вырвалось из комфорки и засвистело как-то глухо и насмешливо; отец Маттиас поправил его.

– Я писал обоим женщинам, они могли бы быть настороже, зная, что им угрожает опасность. Я заходил к Жозефе в Базеле, сразу после моего прибытия, это было позавчера – позавчера утром. Вечером я хотел поговорить с ней еще раз, но было уже поздно. В одиннадцать часов я позвонил в ее квартиру. Там было темно, мне никто не открыл.

– Вы не почувствовали запах газа? – спросил Штудер, также говоря на литературном немецком.

– Нет. – Отец Маттиас возился с кастрюлей на плите. Он повернулся к вахмистру спиной. Вода закипела. Отец Маттиас насыпал в нее молотый кофе, снова довел смесь до кипения, выключил газ, половником долил в напиток немного холодной воды. Потом он достал чашки и пробормотал, – Где же старушка хранила вишневку? Где? ... В нижнем кухонном шкафчике? ... Держу пари, инспектор, что она стоит в нижнем кухонном шкафчике!.. Вот, смотрите!

Он наполнил чашки, действуя торопливо:

– Вы сидите! Не беспокойтесь! – И поднес вахмистру кофе, который он щедро разбавил вишневой наливкой. Штудеру это казалось неестественным – пить кофе в десять часов утра в пустой квартире. Было ощущение, как будто старая женщина, черты лица которой ему были

неизвестны, сидела в кожаном мягком кресле и говорила: «Угощайтесь, не стесняйтесь, вахмистр, но только найдите моего убийцу».

И как бы в ответ на это видение Штудер спросил:

– Как, собственно, выглядела Софи Хорнусс?

Отец Маттиас, который снова принялся ходить по кухне, остановился. Его рука опустилась в необъятный карман его рясы и вытащила маленький предмет из красной кожи, который выглядел как карманное зеркальце. Но вместо зеркала из раскрытого футляра смотрели две фотографии.

Штудер вгляделся в фотографии. На одной была Жозефа: поскольку нельзя было не заметить бородавку около левой ноздри. Только фотография была сделана, когда женщина была еще молодой. Ее рот, ее глаза излучали доброту...

Другая фотография – Штудер не заметил, что он откашливается, он пристально смотрел и смотрел на фотографию...

Прежде всего: хитрые, колющие глаза. Маленький рот – только тонкая полоска губ на молодом лице. Молодом? Нет, не совсем так! Определенно, на фотографии была женщина двадцати с лишним лет, но это было одно из тех лиц, которые никогда не стареют – или никогда не бывают молодыми. И то и другое было одинаково верно.

И еще нечто можно было понять, глядя на фотографию: именно то, почему швейцарец геолог Клеман Алоиз Виктор потребовал развод. Нельзя быть связанным с такой женщиной!.. – закрытая блузка, стоячий воротник с вышивкой, который подпирает острый подбородок... И Штудер не мог сдержать озноб, который пробежал у него по спине...

Глаза! В них была насмешка, насмешливое знание. Они кричали ему навстречу: «Я знаю, я знаю много! Но я ничего не скажу!»

Что знала эта женщина?

– Когда Ваш брат развелся? – спросил Штудер и его голос был немного хриплым.

– В 1908. А в следующем году он снова вступил в брак. В 1910 родилась Мари...

– А в 1917 умер Ваш брат?

– Да.

Пауза.

Отец Маттиас остановился, посмотрел на пол – и потом снова начал ходить.

– Есть еще одно странное обстоятельство, которое я Вам забыл сообщить. Мой ясновидящий капрал Коллани вступил в армию в 1920 в Ороне – странно уже то, что он предпочел службу в Африке, – и во время большой войны он должен был, согласно записям, которые были в его личном деле, служить санитаром в Марокко – в Фезе. В Фезе умер мой брат, Вы это, конечно, знаете, инспектор. Тогда я тоже был там поблизости, я находился в районе Рабата и ничего не знал о том, что Виктор был при смерти...

«Он сознался, что был там, – подумал Штудер. – Он тоже носит бороду. Правда, ее нельзя назвать курчавой, эту острую прямую бородку. Но сходство с фотографией над кроватью Софи несомненно есть – почему у меня вдруг появилась такая шальная мысль? Геолог и священник – одно и то же лицо?» – Он снова пристально посмотрел на обе женские фотографии, которые лежали у него на коленях.

– Я тогда не мог присутствовать на похоронах моего брата... Когда я добрался через месяц до Феза, Виктор был уже под землей. Я даже не смог посетить его могилу. Как мне сказали, как раз тогда разразилась эпидемия оспы и его похоронили в братской могиле...

Штудер вытащил свою записную книжку, чтобы дополнить абзац «Клеман Алоиз Виктор»; сложенный лист бумаги выпал оттуда на пол. Священник оказался проворнее, он поднял его и вернул вахмистру – но на короткое мгновение он задержал листок в руке и внимательно на него посмотрел... «Спасибо», – сказал Штудер, наблюдая за Белым Отцом из-под опущенных ресниц. В данный момент это название совсем ему не подходило. Кожа его слегка

загоревшего лица вдруг стала серо-пятнистой. И вахмистр был готов поклясться, что мужчина с маленькой острой бородкой побледнел...

Почему? Штудер положил сложенный листок подчеркнуто небрежно в свой нагрудный карман. Какой плотной была бумага! Он не заметил этого в Базеле, когда он хладнокровно положил в карман температурную кривую перед носом розового полицейского санитаря...

Отец Маттиас узнал температурную кривую? Где он ее мог видеть? У капрала-ясновидца?

И в первый раз у вахмистра Штудера зародилось подозрение, что история о капрале-ясновидце, которую он считал сказкой, могла иметь какое-то значение – не оккультное, не матафизическое, не ясновидящее, нет! Можно было оценить историю о капрале-ясновидце, как глупый шахматный ход, который сделал умный противник. Сделал плохой ход, пожал плечами, но потом обнаружил, что после шести-семи ходов он попал в засаду... Необходимо все, что было связано с этой историей о ясновидце, хорошенько проверить. Это будет не просто сделать отсюда из Берна. Но зря что ли у него были хорошие знакомые в Париже? Например, комиссар подразделения Маделин, которого называли «патрон» более дюжины инспекторов? Или ходячая энциклопедия Годофрей? Хотя только по побледнению теорию строить, конечно, нельзя. Вообще любую теорию! Сначала и прежде всего нужно было разобраться с теплыми отношениями семьи Клеман. Да! Разобраться! Только после этого можно будет решить, что делать дальше.

И Штудер написал под абзацем о Клемане Викторе Алоизе: «Братская могила» – и подчеркнул это двойной чертой.

Священник стоял у окна и смотрел во двор.

– Эпидемия оспы, – продолжал он. – Я попросил показать мне историю болезни моего брата. Все истории болезни за 1917-й год были в наличии, даже история болезни неизвестного негритенка, где было записано: «Муллат, пяти лет, доставлен... летальный исход...» А история болезни моего брата отсутствовала. Да, инспектор, ее не было. – «Мы не знаем... Мы сожалеем...» – Через три месяца после его смерти уже нельзя было найти историю болезни...

Невероятно, не так ли?

А через четырнадцать лет пророчествующий индивидуум, после того, как я вывел его из транса, сказал мне: «Мертвый принесет женщинам смерть. Он хочет отомстить. Мертвый принесет женщинам смерть...» Ясновидящий капрал повторил это, потом он описал моего брата, его курчавую бороду, его очки... Я знаю, Вам трудно себе представить, как это действовало на меня; для этого Вам нужно знать Геривилль. Вам нужно было бы увидеть мою комнату, наполненную зелеными сумерками, городок за стенами моего дома, Блед... Блед – это по-арабски значит «страна». Еще нужно рассказать о равнинах, бесконечных, на которых растет сухая трава степной ковыль, она никогда не бывает сочной, она растет уже как сено... И тишина на плоскогорье! Тишина!.. Я привычен к тишине, поскольку я достаточно долго жил в безмолвии пустыни... Но Геривилль другой. Поблизости от городка находится надгробный памятник святого Марабута, пастушья племена совершают паломничество к нему – они идут молча. Глубокая тишина поглощает даже звуки рогов, когда происходит смена караула в казарме.

Барабаны не гремят, они только глухо бормочут под ударами барабанных палочек... И теперь представьте, в моей комнате, залитой зеленым светом, неизвестный человек описывает моего брата, говорит его голосом... – Отец Маттиас затих на последнем слове. Внезапно он повернулся – три широких шага – и он стоял перед вахмистром. Он быстро спросил и его дыхание перехватило:

– Как Вы полагаете, инспектор? Мой брат может быть жив? Вы верите, что он может стоять за этими двумя убийствами, – поскольку речь, действительно, идет об убийствах, Вы не можете больше этого отрицать? Скажите мне честно, что Вы думаете?

Штудер сидел, положив сложенные руки на колени. Он выглядел массивным, тяжелым, и прочным, как одна из тех каменных глыб, которые встречаются на альпийских лугах.

– Действительно так.

После длинного потока слов священника оба слова, произнесенные как одно, прозвучали как точка.

Затем вахмистр поднялся. Держа свою пустую кофейную чашку в руке, он подошел к раковине, чтобы поставить ее туда. Тут на него напал приступ кашля, который прозвучал в маленькой кухне так громко, как будто в толпу выпустили деревенскую дворняжку. Штудер вытащил носовой платок, повернулся к раковине спиной – и когда он снова положил белый платок в боковой карман своего плаща, в нем был какой-то твердый предмет.

Это была чашка, на дне которой он обнаружил смешанный со снотворным кофейный осадок. Но чашка была вымыта...

Кем? Осмотр квартиры длился не более десяти минут, а потом отец Маттиас уже сидел в мягком кресле и играл со своей шапкой!..

Десять минут... Достаточно времени, чтобы сполоснуть чашку.

Но, может быть, на чашке можно будет обнаружить отпечатки пальцев?..

– Вам лучше, инспектор? – спросил отец Маттиас. – Вам надо что-то делать со своим кашлем.

Штудер кивнул, лицо его было красным и в его глазах блестели слезы. Он махнул рукой, кажется, хотел что-то сказать, но это оказалось ненужным, потому что в дверь квартиры постучали...

ГЛАВА 5. Маленький человек в синем плаще и другие

Перед дверью стояла дама, очень тонкая, на ее маленькой птичьей голове была короткая пажеская стрижка. Она представилась как владелица расположенной в этом доме школы танцев и говорила с очень сильным английским акцентом, поэтому вахмистру пришлось на ум, что для расследования этого случая, в особенности, если это было ожидаемое каждым криминалистом «Громкое дело», нельзя было ограничиться только Бернским немецким, приходилось разговаривать то на французском, то на литературном немецком, то на булькающем базельском, а теперь вот на очереди был еще и английский... И вообще вся эта история была очень нешвейцарская, – мрачно подумал Штудер, – хотя все участники швейцарцы – за исключением капрала-ясновидца, о национальности которого священник ничего не сказал... Нешвейцарская – точнее, зарубежно-швейцарская, длинное и не совсем благозвучное слово.

– Я хочу сообщить мои наблюдения, – сказала дама, так изгибая и поворачивая свое стройное тело, что это невольно напоминало танец кобры под звуки флейты индийского факира. – Я живу внизу...

Указательный палец извивающейся руки указал на пол. И вдруг дама внезапно замолчала, так как она с удивлением увидела священника: он снова сидел в мягком кресле и играл с чечией.

Вахмистр стоял прямой как палка, уперев руки в бока под своим плащем, так что он был похож на черпаху, которая стоит на задних лапах, – в книжках с картинками животных иногда рисуют в таком положении. Маленькая голова и тонкая шея Штудера подчеркивали это сходство.

– Итак? – спросил он нетерпеливо.

– Вчера вечером нам позвонили, – продолжала тонкая дама, то есть это прозвучало как «виечера виечером» и «позевониль». – Маленький человек стоял перед дверью, он был одет в синий плащ. Он говорил неясным голосом, потому что был закутан в кашне... Фуляр.. Как Вы сказали? Ах, да!.. Вокруг шеи был обмотан шерстяной шарф, который также закрывал нижнюю часть его лица...

Кашель, сухой кашель. Затем:

– Шляпу... шляпу... он надвинул низко на лоб. Он спрашивал о фрау Хорнусс... Я ответила, что это этажом выше. Мужчина поблагодарил и ушел. В доме было очень тихо. Поэтому я слышала, как он позвонил в дверь квартиры...

– Когда это было?

– Около... около одиннадцати... Может быть, немного позже. У меня был урок танцев, который закончился без пяти одиннадцать. А потом я приняла душ...

– Ах, – произнес отец Маттиас и погрузился еще глубже в его мягкое кресло. – Вы приняли душ!.. Хм!..

– Это меня не интересует! – прервал Штудер.

Дама, казалось, не заметила невежливость обоих мужчин, так как она пристально смотрела как завороченная на чечию, которую священник продолжал крутить, то замедляя, то ускоряя...

– Ну, а потом? Вы еще что-нибудь слышали? – спросил Штудер нетерпеливо.

– Да... Подождите... Я слышала, как позвонили, наша квартира находится как раз под ними. Я не закрыла нашу дверь, я хотела узнать, откроет ли фрау Хорнусс, она могла уже лечь спать... Но она, по-видимому, ожидала кого-то. Как только мужчина позвонил, я тут же услышала голос старой женщины: «Ах! Наконец-то!» – Это было сказано с облегчением. – «Заходите внутрь!» – И после этого дверь снова закрыли на замок.

– Мы в Швейцарии, – прервал Штудер – не говорим «Заходите внутрь». Мы говорим или «Заходите!» или «Входите!». Вы не можете вспомнить, фрау... фрау...

– Фрау Чуми.

«Очень интересно! – Подумал Штудер. – Англичанка с Бернской фамилией!» – И вслух:

– Фрау Чуми, не можете ли Вы мне сказать, какую форму обращения употребила женщина? Обратилась ли она к позднему посетителю на «Вы» или говорила ему «ты»?

– Мы в Англии, – это звучало как «мивинглии», – обращаемся ко всем на «Вы». Поэтому, я думаю, фрау Хорнусс говорила «Вы».

– Точно, «Вы», фрау Чуми?

– О, Боже! Конечно! Вы, должно быть, думаете, что я была слишком усталой. Вы из полиции? – внезапно спросила тонкая дама.

– Да... Вахмистр Штудер... – А Вы больше ничего не слышали?

– О, конечно, – сказала дама, улыбаясь, – и довольно много... Однако, Вы меня извините, господин... Господин... Штюдере...

Штудер уже привык, что его называли по-разному: например, французы его называли «Штюдере», а у английской дамы это звучало как «Штюдере» – почти как птичье пение...

– Этот господин не мог бы перестать играть со своей шапкой, это меня нервирует...

Отец Маттиас покраснел как пойманный школьник, быстро водрузил чечию на свой череп и засунул руки в рукава ряссы.

– Я слышала, – говорила дама, снова извиваясь как змея, – шаги в кухне. Потом перетаскивали что-то тяжелое через всю квартиру. Потом глухие голоса, долго, очень долго, почти до часа ночи. Я сказала моему мужу: «Что бы это значило, у старой леди никогда не было посетителей, тем более, так поздно, что происходит там наверху?...» – Вы меня понимаете, инспектор?» – «С» она произнесла резко, а «Р» в конце слова проглотила, – нам нравилась старая леди. Она была совсем одинока, иногда мы навещали ее... иногда она приходила к нам. Она всегда была грустной...

– Да-да, – сказал Штудер нетерпеливо, – а дальше?

– Внезапно в кухне стало тихо. Кто-то тихо пошел по квартире, так тихо, как если бы сознательно хотел заглушить шаги. У нас внизу мы очень отчетливо слышим, что происходит в квартире наверху; пол, наверное, имеет пустоты... Затем открылась дверь квартиры наверху, я опять приоткрыла нашу дверь... Знаете, инспектор, любопытство! Потом был слышен поворот ключа в замке квартирной двери. И тишина! Я очень тихо сказала мужу, который стоял рядом со мной: «Что этот человек там делает?» – И как только я это прошептала, я услышала шаги, они удалялись от квартиры. На лестнице было темно, мужчина, наверное, не знал где выключатель... Он крался в темноте вниз по лестнице, и тут на нашей площадке он заметил освещенную щель. Он остановился, подождал. И затем он сделал несколько больших шагов, совершенно неожиданно, пробежал, нет, это был не бег... он прыгнул...

Действительно, драматический рассказ! Почему все женщины так любят театральность!.. Штудер сухо спросил:

– Он казался испуганным?

– Да... очень, очень испуганным. Он что-то уронил. Это упало на землю совсем бесшумно. Я видела это только в свете, который проникал из нашей двери... Я слышала, как мужчина большими прыжками скатывался по лестнице. («Скатывался!» – где это дама подхватила это слово?) – А потом хлопнули входные ворота.

– Разве их не запирают в десять? – спросил Штудер.

– Нет, только в одиннадцать, из-за моей школы, и часто их забывают вообще запереть. Здесь есть один человек, он живет на первом этаже. Он всегда забывает ключ, живет один и возвращается домой поздно, и если входные ворота заперты, он звонит нам... Поэтому мы оставляем обычно ворота открытыми...

– Хмम्म... – пробурчал Штудер. – А что он уронил, фрау Чуми?

– Вот это, – сказала тонкая дама и протянула Штудеру открытую ладонь. На ее поверхности лежала веревка, тонкая, свернутая в форме восьмерки, и завязанная узлом в середине. Штудер бросил взгляд на Белого Отца³, прежде чем взял пальцами находку, а потом снова посмотрел на фигуру с голыми жилистыми икрами... На губах священника была улыбка и ее трудно было определить. Сдержанная... может быть, насмешливая? Нет, не насмешливая – этому противоречило выражение глаз, которые были большие и печальные: серое море, над которым нависли облака – и редко, очень редко солнечный луч играл на поверхности...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.